

Геннадий
Васильевич
ВЕРШИНИН

ТЮМЕНЬ: АРХИТЕКТУРА И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Тюмень по заботе о чистоте, социальной инфраструктуре мало с каким российским городом можно сравнить. Это — феномен последних лет, в особенности — последнего десятилетия. Он, видимо, выстрадан прошлым, когда Тюмень была некоронованной «столицей деревень», самым грязным и разбитым городом России. С точки зрения камней, шаги сделаны. Осталось обратить внимание на человеческий, интеллектуально-творческий капитал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

немецкий Веркбунд, Баухауз, дизайн, ремесло, искусство, творчество как манифестация бытия, прикладные и станковые произведения, У. Моррис, Ф. Шумахер.

Архитектура — по затертому определению — мать всех искусств. Ту архитектуру, городскую среду, которые создаются на наших глазах, сложно назвать искусством, тем более «материнским». Как-то моя коллега, обсуждая в жюри проект скульптуры для Екатеринбурга, сказала: «Я думала, что скульптура — искусство». Мы почему-то похожие требования относим и к архитектуре. Увы, для этого — очень мало оснований. Искусства — удел профессиональных мастеров, а не любителей искусств. И профессионализм — применительно к архитектуре — это не только проблема фасада или формы отдельного здания. Это — системное творчество, в равной мере опирающееся на формальные инструменты, а также на методы градостроительства, историко-культурный опыт. Цель архитектуры — создание красивой, комфортной, содержательной среды, удобной для повседневной жизни и для личностной реализации.

Тюмень переживает те же обстоятельства, что и все российские города. И главный их вектор — отстранение

Культурный ландшафт Тюмени

архитекторов, редких градостроителей от попечения о городе. В более широком смысле — это передача города от архитектора к предпринимателю, инвестору, чиновнику и нормативному регулированию. Должности главного архитектора в «новой России» нет — она заменена «начальником департамента». Город стал пространством самодеятельности — коллективного народного художественного творчества, слегка ограничиваемого вялыми нормативами.

Правда, есть особенность: Тюмень по заботам о чистоте, социальной инфраструктуре мало с каким российским городом можно сравнить. Это — феномен последних лет, в особенности — последнего десятилетия. Он, видимо, выстрадан прошлым, когда Тюмень была некоронованной «столицей деревень», самым грязным и разбитым городом России.

Все города имеют свое лицо. В России его определяет архитектура прошлого, но только потому, что современная городская среда, новейшая архитектура, инфраструктура, благоустройство демонстрируют очевидный провал архитектурной и градостроительной идеологии. Недовольны архитекторы, жители, начальники. Но телега законодательства движется в прежнем направлении, потому что нынешняя ситуация, как бы ни была возмутительна, устраивает две главных действующих стороны — инициативную (инвесторов) и исполнительную (чиновников, архитекторов). Мнение «потребителей» — граждан, «населения» формально учитывается, но фактически незначительно влияет на ситуацию. Хотя, например, в Перми обращение в суд гражданки с жалобой, что под ее окнами началась выруб-ка леса, привело к судебной отмене генерального плана застройки города.

Архитектура, дизайн, проектные технологии — как и политика, экономика — всего лишь осуществление интересов, концепций, психофизики и жизненных установок. Возможно, даже в большей мере, чем «экономика».

Понятно, что архитектурные процессы регулируются больше, чем любые другие, поскольку являются сферой базовых функций, противоречивых процессов, повседневных отношений, конфликтов интересов. Но они остаются сферой искусства, поскольку цель их — создание прекрасной целостности, близкой человеку, его базовым интересам. Вернее, могут привести к художественной целостности, к художественному результату, если регламенты и правила служат не сиюминутным интересам (в перспективе дорого обходящихся обществу), а искусству: искусству планирования, искусству согласования интересов и их сверхзадаче — искусству архитектуры и градостроительства. Это давно известно, правда, сегодня вырос масштаб проблем: к архитектуре добавились новые искусства: городской дизайн, ландшафт, инфраструктура, визуальные коммуникации, или, к примеру, искусство управления городом и процессами его эволюции.

Еще отличие от прошлого: сегодня проектируются и пересоздаются огромные пространства, районы и города, так что масштаб проблем несопоставим с даже недавними, например, тридцатилетней давности. Ин-

теллектуальное и экономическое состояние развитых обществ позволяет преобразовывать все пространство жизни, на всех уровнях (микро-, макро-, мезо- и мегауровнях, как любят нынче говорить). Любые государства прошлого были беднее сегодняшних, никогда соображения цены, экономические установки не были единственными. Не странно ли, что в какой-то момент «эффективность» использования ресурсов стала сводиться к декларации их отсутствия?

Мир вошел в фазу «проектной цивилизации» или Дизайна с большой буквы, охватывающего все сферы жизни и культуры, а не только проектирования шкафов или машин. Проектная цивилизация явилась не блажью для обновления интерьера жизни или освежения эмоций. Она вынуждена обществом для приближения к сути и целям бытия человека, природе вещей. В новых — проектных — условиях жизнь становится все более интенсивной, творческой, содержательной. Содержательное наполнение жизни — ключевая проблема, определяющая отношение к ней, к городам, регионам, странам.

Тюмень — современный город. Его солнечность, компактность и близость к природе — особенности, как и свободолюбие, и независимость характера жителей. Обратная сторона независимости — рассогласования нашего сознания: коммуникативные, речевые, интеллектуальные и деятельные. Здесь много наивных, необразованных людей — из глухих поселений, но много — образованных и высокообразованных, некоторые из которых поучились, пожили и поработали в российских мегаполисах и наукоградах, в Европе и США.

И все же наше родимое пятно — неистребимая провинциальность культурной жизни, ее недостаточность и вторичность, а значит — недостаточность и вторичность творческой среды и ее слабость в диалоге с обществом, катастрофа непрофессионализма.

Понижение всех планок — вообще черта современности, связанная с очередным омассовлением политики, экономики, науки и искусства — всей общественно-культурной среды. Это общая черта глобальной цивилизации, в которой «восстание масс» означает возобладание телесности, особенно в коммуникативной и деловой среде, осваивающей все новые источники прибыли и все новые эмоции. В лучшем положении оказались центры цивилизации, имевшие исторически сложившиеся гуманитарные ресурсы: живые творческие школы, крупные креативные страты, соответствующую инфраструктуру и экономику. На фоне огромного числа новообразований благоприятнее положение Москвы и Питера, части столиц бывших союзных республик СССР, имевших современную культуру и институции. В централизованной стране с централизованной гуманитарной жизнью даже мегаполисы Новосибирск, Самара, Саратов и Воронеж, да почти все, оказались в проигрыше. Им осталась самодеятельная «культура», но не «искусство»; производственные «технологии», но не «наука»; не «проектирование», а повторение и «догонялки».

Культурный ландшафт Тюмени

Россию постигла затяжная гуманитарная катастрофа, связанная с благородной социальной идеологией всестороннего раскрытия личности. Огромное число школ, новых столиц науки, политики, экономики и культуры, новых творческих школ, гуманитарных явлений возникло буквально из ничего, например, из тщеславия и местных амбиций. Элитарная культура размылась, утратила язык, правила профессии и коммуникаций. Относительная свобода действий, пришедшая со сменой формата государства в 1990-е, казалось бы, открыла шлюзы творчества, но не дала свободы и даже не позволила сохранить прежние коммуникации. Как сказал мне один архитектор, все мы в основном занимались «привязками» типовых зданий к среде, и теперь, когда появилась возможность строить, оказалось, что мы разучились это делать. Но в стране нет не только Архитекторов, но и Урбанистов — главной, стратегической профессии, нет Дизайнеров, Ландшафтников, а те специалисты, которых можно отнести к числу профессионалов с большой буквы, замещены другими: эластичными и податливыми работниками деловых кланов.

Архитектура и пространственно-средовые искусства не успели освоить мировой опыт «искусства планирования», и при этом, похоже, надолго утратили и поэтику — главное, что делает их искусством вопреки жестким законам строительства (которое тоже может быть искусством).

«Поэтика (от греч. ποιητική, подразумев. τέχνη — поэтическое искусство) — теория поэзии, наука, изучающая поэтическую деятельность, ее происхождение, формы и значение, — и шире, законы литературы вообще» (Википедия)¹.

«Поэтика (от греч. poietike — поэтическое искусство), термин, имеющий два значения: 1) совокупность художественно-эстетических и стилистических качеств, определяющих своеобразие того или иного явления литературы (реже кино, театра), — его внутреннее строение, специфическая система его компонентов и их взаимосвязи².

«Внутреннее строение, специфическую систему компонентов и их взаимосвязей» имеет город, здание, в целом среда обитания: она может быть ясной, светлой или мрачной, наполненной солнцем и светом или бестолковой к ним. Колористика города и его графика в разных состояниях природы, размеры, масштабы, пропорции, пластика, стиль, ритмы и метры — все эта система форм и идей определялась древними как «строй», «соответствие», «мера». Теперь эти базовые понятия дополнены эластичными категориями «текст» и «контекст», «ткань», «структура», «среда», «дух места», «инсоляция», «инвестиционная привлекательность» и подобными, являются профессиональным полем. Сегодняшний мир нафарширован логикой и рационализациями, но это не значит, что он не чувствителен к

¹ <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Поэтика>.

² / <http://vseslova.com.ua/word/Поэтика-84536>.

поэтике или к искусству. Красота остается целью архитектуры и дизайна. Профессиональная архитектурно-дизайнерская среда остается носителем как прагматики и опыта, так и искусства архитектуры. Но только если этот опыт сохраняется, пополняется и используется.

Многие не любят сравнений, особенно чиновники, которым кажется, что сравнения порочат их труд, но еще никто не опроверг софизм, что в сравнении познается истина. Сравнение российской и тюменской среды обитания (понятие среды обитания — универсальное, включающее все искусства, а не только архитектуру и дизайн, инфраструктуру и мн. др.) со средой европейских городов позволяет выявить собственные особенности и достоинства Тюмени (их много), а также относительную архаичность нового.

В Европе, США и Японии развиваются стратегии реновации городов, в которых предпочтение отдается общественным и культурным функциям. Они оказываются не просто наиболее значимыми, но приобрели экономические следствия, чего прежде не было. «Культурная рекультивация» используется для развития так называемых депрессивных городов, то есть утративших экономический вес и перспективы — вроде Шеффилда, Бильбао или Лиона. Инструментом перемен становятся крупные музеи, фестивали, профессиональная культура, за которыми идут новые статусы, инвестиции и туристические доходы.

К примеру, в какой-то момент Бильбао — портовый город с населением 360 тыс. жителей — утратил экономическое значение. Новую жизнь город обретал благодаря появлению музея Гугенхайм-Бильбао (архитектор Фрэнк Герри обеспечил интерес 3 млн туристов в год). По проекту Норман-

И. И. Станков. УЛИЦА САДОВАЯ. 2007

Культурный ландшафт Мюнхена

на Фостера построено метро (ок. 90 млн пассажиров в год). Бильбао стал знаменит и посещаем. Трамвай Бильбао и метро — одни из красивейших, хотя трамваи и метро в Хельсинки, Амстердаме, Париже, Мюнхене — все по-своему очень красивы, особенны, удобны, а эти города у нас на слуху как центры мировых проектов и событий.

«Кафедральные музеи» разнообразны по видам и технологиям: это популяризации науки (Лондон, Париж, Амстердам), выставочные и художественные (Лувр, Орсэ, Прадо, Гугенхайм, ГТГ и ГРМ), развивающие (Музей климата в Бремерхафене), познавательные (Бранли, Витра, Сваровски), исторические (Гронинген, ГИМ)... Выставочные и просветительские функции переплетены со зрелищными, коммуникативными, развлекательными, познавательными, развивающими и профессионально-ориентирующими (Музей журналистики и новостей в Вашингтоне, Музей почты в Стокгольме...). В большинстве крупных музеев мира посетители толкуются с утра и допоздна (некоторые работают до 22 часов).

Язык архитектуры стал менее выпяченным, но — эмоциональным, менее претенциозным; современная архитектура легка, цветна и прозрачна, избегает гигантомании. Город интерьеризируется. Архитектура и дизайн не просто его обновляют, но способствуют формированию ценностей, поведения и потребления.

Тюмень в этом контексте выглядит парадоксально. Мы идем в направлении цивилизации, впереди соседей, но как бы в другую сторону. Губернатор В. В. Якушев отвечает критикам, что город (и юг области) напряженно наверстывает то, что недополучил в годы бурного развития нефтегазовой индустрии. Усилия по формированию достойной повседневности заслуживают глубокого уважения. Одновременно закладывается отставание в развитии креативного потенциала — привычное следствие механистичного технократического мышления, недоверие к душевно-духовной жизни, снисходительно-презрительное отношение к профессиональной художественной культуре. Предпосылки такого отношения понятны: технократическая интеллигенция, предприниматели, управленцы сосредоточены на отраслевых целях и методах, противоположных художественным, говорят на ином языке — цифр, норм, параметров и уложений. В творческих профессиях преобладают другие средства — интуитивные, визуальные, концептуальные. И обе группы достаточно невежественны в художественных вопросах. Долгие годы господства технократии сделали единственно допустимой опорой на вербальную коммуникацию, рационализации, логику, план, но не на самоорганизацию творческих личностей, не на поддержку самоходных профессиональных проектов и инициатив. Не только художественных, архитектурных, дизайнерских, но и в более широком смысле — творческих.

Технократическая механика управления требует точности, конкретности и описываемости процессов-результатов, затрат-отдач. Технократиче-

ское сознание XX в. создало свой управленческий класс, исполнительный и управляемый. Понятно, что инновационное развитие связано с риском, с платой за ошибку и ответственностью рискующих — примерно так, как это сейчас происходит в спорте, где формируется сословие высокооплачиваемых рыночных специалистов, неизбежно наказуемых за низкий результат. Как меняться, не ошибаясь, может быть, наиболее жгучая тема современности, в развитие которой создаются венчурные механизмы, инновационные площадки. Но развитие по-прежнему непредсказуемо. Одно ясно — без развития, экспериментов, ошибок всемерного поощрения и поддержки всех видов креативности, создания творческой атмосферы во всех сферах жизни, поддержки точек роста не обойтись.

Тюмень в России — такая точка роста, берущая на себя функции полигона развития. Но оно не первый год получается лишь частично — в сфере повседневного быта, привлечения инвестиций, позиционирования ее как успешного социального проекта.

На наш взгляд, продолжение проекта нуждается в нескольких вещах. Как ни странно, первейшая — это поэтизация города: в фотографиях, музыке, прозе и поэзии, массмедиа, кино и телевидении. У нас много фотогеничных мест, связанных с прошлым, с советским периодом, природой и ландшафтом. Город живописен и, к счастью, озеленен, что прикрывает огрехи нашей деятельности; в городе пульсирует жизнь — и это поводы для поэтизации.

Москва и Питер все меньше приспособлены для жизни, передвижений, быта. Но эти города романтизированы давней традицией, их обаяние не обсуждается, хотя оно преувеличено и уж точно не соответствует реалиям. Многие помнят ключевые слова: «Я смотрю на Москву через призму поэзии, через призму музыки, призму любви. Просто так на Москву смотреть бесполезно — просто так ничего не увидите вы» (Ю. Колесников, стихи Г. Иванова). Романтизация и поэтизация города, его атмосферы возможна лишь художниками, хотя почему-то считается, что это может выполнить манипулятивное «брендирование», не случайно Москва сегодня платит дань западным (как обычно) агентствам за формирование «позитивного лица» города. И в «брендировании» случаются художники, а не только ремесленники.

Следующее: рекультивация и рост профессиональных искусств, архитектуры, дизайна, массмедиа. С точки зрения камней, шаги сделаны. Осталось обратить внимание на человеческий, интеллектуально-творческий капитал. Считается, что необходимо поддерживать бизнес, даже есть для этого госструктуры. Обратим внимание, искусство, дизайн, архитектура — тоже бизнес, в значительной мере «самоходный», кроме того, что это создаваемые естественным путем рабочие места, это еще и сферы деятельности, определяющие тонус духовной жизни, и поддержка бизнеса, творчества, выставок и акций — более важна, чем поддержка парикмахерских, магазинов или лубочных производств.

Культурный ландшафт Тюмени

Архитектура и дизайн становятся экономическими и стратегическими искусствами, одним из фундаментов общественных модернизаций. У нас это не готовы принять — утопия. Потому и «утопаем» в болоте неразрешимых ситуаций. Но фактом является то, что развитие той или иной территории уже невозможно без развития профессиональной культуры. Об этом свидетельствует Всемирный доклад ЮНЕСКО: «...Мы стали свидетелями создания такой универсальной вселенной, в рамках которой понятие «культура» приходит на смену понятию «цивилизация». Далее: «Мы утверждаем, что показатели культуры и развития должны служить мерой интеллектуальной, эстетической, социальной и политической деятельности народа на благо человека» (1998). И становятся.

Тюмень может гордиться тем, что реконструировала почти все культурные учреждения, а оставшиеся будут реконструированы в ближайшее время. В масштабе этой деятельности нам, тем не менее, далеко до модельных городов культуры, где реконструкция проводится с одновременным развитием направлений и сферы деятельности. Париж приобрел за последние полвека огромный Центр искусств им. Жоржа Помпиду — в нем сосредоточены все виды искусств, выставки, синематека, музей дизайна, выставочные залы и т. д. От минфина освобожден и реконструирован Лувр, напротив Лувра возник огромный и интереснейший музей импрессионизма Орсэ, в котором, как и в Лувре, уже нужно ограничивать число посетителей. Чуть дальше Орсэ недавно открыт умопомрачительный по архитектуре, ландшафту, светотехнике и музейным технологиям музей племенных народов Бранли. Только в центре к многим парижским музеям добавилось за недолгий срок ок. 400 тыс. квадратов экспозиций — примерно 12 тюменских музейных долгостроев. Мы же приобрели пока реконструкцию всех тюменских камней культуры и бестолковый менеджмент.

Музеи растут, как грибы, развитие их функций и технологий делает их все более значимыми, они работают не только на местных жителей. В последнее время провинциальные города либо открывают филиалы больших музеев, либо создают свои, или создают собственные фестивальные проекты, рассчитанные как на собственных жителей, так и на международную публику. Музей — слово не самое популярное у возрастных людей, его пытаются заменять словами «дом», «город» — Дом климата (Бремерхафен), Город науки, Город музыки (Париж), «центр» — Центр искусств им. Ж. Помпиду, но чаще — именами собственными: «Кьясма» (Хельсинки), Бранли, Орсэ (Париж), «Немо» (Амстердам, музей науки и техники).

Все архитекторы мировой «десятки», «двадцатки» работают на «кафедраальный» музейный бум: Р. Пиано и Р. Роджерс (Бобур), Г. Ауленти (Орсэ), Й. М. Пей (Лувр), Ж. Нувель (Бранли), Р. Пиано (Музей науки в Амстердаме), подобных примеров сотни. Статусный музейный мейнстрим не раз созидали Н. Фостер, японцы А. Исодзаки, К. Танге, К. Курокава, американцы Ф. Герри и Ф. Джонсон... Их участие — важное условие успешности проектов.

Но цивилизация сегодняшнего дня отмечена еще и тем, что важным становится интуитивно-образное мышление. Все более понятна интуитивно-образная природа мышления. Меняются техника, бытовые приборы, интерфейсы. Тяжелое, механистичное и директивное сменяется интуитивно-понятным, знаковым, опирающимся на идеи самоорганизующегося и нелинейного творческого типа сознания. Развиваются связанные с ним институции, творческие инициативы, свежая форма — коворкинг. Только в рамках креативной атмосферы возникает искусство, инновации.

Рациональный тип важен в повседневности, бизнесе, управлении, для него принципиально важны «ресурсы» и «эффективность». Интуитивное образное мышление рождает изобретения и открытия, художественные, научные и проектные прозрения и прорывы. Он основывается на нелинейной мотивации, на энтузиазме, ведь «энтузиазм есть принцип искусства и науки» (Ф. Шлегель). В условиях развитой обывательской среды Тюмени нелинейное, творческое сознание нуждается во внешней поддержке — через образование и развитие его институций, через поддержку деятельности. Там, где требуются прорыв, качественный скачок, преобразование и инновация, нужна поддержка «точек роста» творческо-экспериментальной деятельности.

В Тюмени последних лет вложения в камни культуры беспрецедентны. И при этом не появился ни один новый коллектив, новый мастер, лидер. Не просматриваются ни собственный симфонический оркестр, ни музыкальный театр. Романтики, правда, говорят, что как только губернатор выделит деньги, они и появятся. Не дай бог губернатору вбухать деньги в вахтовые коллективы. Они были уже и доказали свою полную нежизнеспособность и затратность, хотя позволили музыкантам Большого театра пополнить бюджет семей. Коллективы нужно формировать, цели ставить, но они не появятся, пока большая часть творцов не вырастет здесь. Должны окрепнуть местные художественные школы, в них методом естественно-искусственного отбора — мастера, воспитывающие мастеров. Без вложений в человеческий капитал искусства, науки, проектную культуру ничего не случится. Нужно целенаправленное развитие интеллектуального, творческого человеческого капитала. Это позволит в большей мере влиять на парадигму развития, типологию творческого и проектного мышления — а, следовательно, нашу духовную и материальную среду.

Но пока наша территория — царство по преимуществу самодеятельности. В Тюмени сложились хорошие коллективы спортивного и народного танца, складываются архитектурная и дизайнерская школы, есть шанс сформировать академическую музыкальную школу, есть перспектива для джазовой, вокальной и эстрадно-инструментальной музыки (к сожалению, силы растрачиваются на эстраду). Но формирование инфраструктуры, институций регионального искусства предполагает проведение более активной региональной политики, в возможности которой приходится сомневаться, зная кадровые векторы власти.

Если не перешагнем через художественную самодеятельность, не поднимемся над привычной обыденностью в понимании города и его среды, здания и его контекста, пространства и начинки, в понимании потребностей личностной самореализации — образования и его приложения, не стоит ожидать рывка в осуществлении наших амбициозных намерений, так подсказывают мировой опыт и личная интуиция.

Виктор
Дмитриевич
СТАНКЕВСКИЙ

ДЕКОДИРОВАНИЕ СИГНАЛОВ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ТЮМЕНИ

«Граждане! Если вы увидите Бармалея, который хочет сделать добрые дела, схватите его и поставьте в угол. Очень прошу!»

«Айболит-66», Ролан Быков

В статье анализируется состояние зодчества г. Тюмени в начале XXI в. Показано, что превращение имитационных технологий в эрзац-архитектуру, забвение исконных ее законов и низложение искусства до уровня услуги, непрофессиональное руководство процессом, тендерное, но не конкурсное определение архитектурных премьер становятся вехами укоренения архитектурных образов, отражающих современное тюменское мироощущение. Купеческие тщеславие и корысть — современные движущие силы величайшего из искусств, источник вдохновения имитаций ушедшего мира, мыльных архитектурно-косметических пузырей и тоски по канувшим в Лету идеалам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

архитектура, градостроительство, процесс, технология, имитация, пошлость, непрофессионализм, утверждение мировоззрения, символы времени, общество.

Ситуация в архитектуре Тюмени сегодня напоминает коллизию в старом советском анекдоте. Научно-исследовательский институт, которому поручили научно-практическую работу по модернизации дерьма¹ в масло, на очередном этапе отчетов победно докладывает, что исходный материал уже по виду, цвету и консистенции приближается к конечному продукту и его уже даже можно намазывать на хлеб.

¹ Пусть чопорные читатели простят меня — из песни слова не выбросишь.